

Рецепции творчества Иосифа Бродского в цикле Льва Лосева «Послесловие»

Климова Светлана Андреевна

Студентка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Книга стихов «Послесловие» предваряется кратким пояснением «от автора», где Л. Лосев дает некоторые ключи для понимания цикла. Поэт признается, что для своих стихов он обычно принимал лишь одно ограничение: «Все, что в возникавшем стихотворении отдавало Бродским – его интонацией, словарем, остроумием, – отбрасывалось». Однако в «Послесловии», написанном вскоре после смерти И. Бродского и посвященном его памяти, «против правила, было много от него – его слова, его интонации, иногда прямые цитаты».

Рецепции лирики Бродского в цикле обнаруживаются уже на формальном уровне, например, в логических построениях со словом «ибо», фразах наподобие «научился писать, *что твой* Случевский» и т. д., в сходстве метафор («город – сервис»). Но более продуктивной представляется задача проследить заимствование и трансформацию некоторых тем, образов, мотивов творчества Бродского в «Послесловии».

1. Тема смерти.

«Послесловие» – не просто стихи «по поводу», а выражение сложной концепции смерти, которая имеет много общего с мыслями самого Бродского, отраженными в его «стихотворениях на смерть».

Помимо формального уровня (в частности, вторичного использования Лосевым античной образности – плача Персефоны, прядения Парок), преемственность видна и в отражении и некоторой трансформации трех основных мотивов, сопутствующих теме смерти у Бродского – мотивов пустоты, оледенения и растворения души умершего в мире.

1.1. Мотив пустоты.

В «Послесловии» появляются важнейшие категории, которыми оперирует и Бродский по отношению к человеку – пустота, отсутствие. Однако Бродский пользуется ими не только применительно к умершим, но и к живым, прежде всего к себе самому (достаточно вспомнить многочисленные «формулы собственного отсутствия» в стихах Бродского: *совершенный никто, человек в плаще*).

Однако Лосев явно не считает своего друга «отсутствующим» при жизни – напротив, без него «мир бедней». Пустота становится лишь образом смерти – но не жизни-существования, что мы встречаем у Бродского.

1.2. Мотив растворения души в природе, перехода ее в объекты внешнего мира.

У Бродского наиболее последовательно этот мотив проявляется в стихотворении «Памяти Геннадия Шмакова», аллюзии на которое не раз появляются в сборнике Лосева. Например, в стихотворении «Где воздух “розоват от черепицы”», помимо того же мотива растворения души, использован тот же прием цепочки характеристик, выраженных однородными членами. С помощью этого же приема описаны метаморфозы, произошедшие с душой друга после смерти, сходство образности и лексики которых у Лосева и Бродского очевидно. Обращает на себя внимание и то, что все «воплощения» друга после смерти так или иначе связаны со стихиями воды и воздуха. Кстати, в предыдущем стихотворении сборника Лосев совершенно справедливо говорит о Бродском: *Из четырех стихий он не любил огня, / был равнодушен к земле. Но воздух зато! Но влага!*

1.3. Мотив оледенения.

Данный мотив использован Лосевым прежде всего в стихотворении «Архипелаг», написанном в день рождения Бродского. Лосев рисует своеобразный портрет умершего: *Берег с морщиной, прорезанной льдиной, / так и застыл со времен ледника. / Сплошь обрастая мхом, как щетиной / мертвая обрастает щека.*

Оледеневший холм у Лосева соответствует разнообразным «формам застывания» человека у Бродского – статуе, мрамору и т. д.

2. Тема творчества и категория языка.

Лингводицея [Глушко: 143] или текстоцентричность является общей характерной чертой поэзии как Бродского, так и Лосева: поэзия является не только средством, но и предметом изображения, как и ее язык.

Поэтическая манера самого Бродского очень точно описана таким образом: *...все кажется сглажено монотонным / тяжким голосом Музы, как многотонным / паровым катком («4, Rue Regnard»)*.

Но каким образом существует поэзия в отсутствие поэта? Ответ дается уже в первом стихотворении сборника, где Лосев цитирует Бродского (*Скрипи, перо. Черней, бумага. / Лети, минута – «Пьяцца Маттеи», Скрипи, скрипи, перо! Переводи бумагу – «Пятая годовщина»*), наполняя свой текст противоположным содержанием оттого, что мир стал «бедней», в нем отсутствует тот, кто держал перо и писал на бумаге: *Чернила стынут на перо. / Снег на мраморе стола. / Бумага белая бела.*

Для Бродского такая позиция была бы нетипична. *Бог сохраняет все; особенно – слова («На столетие Анны Ахматовой»)*, и пусть нет поэта – всегда жива его поэзия.

Для Лосева же стихотворение, язык, хоть и одушевлены, но смертны («Инициалы Л. Г. (Л. К.)», «Включил ТВ – взрывают домик»).

Также Лосев не разделяет мысль Бродского о «диктате языка» над поэтом (*Не перечь своей закваске, / не потворствуй языку – «Офицер»*).

Да, лингводицея Лосева далеко не так абсолютна. Но уже количество обращений к теме поэзии и категории языка, оригинальная сквозная метафора «язык, книга, поэзия – дом» говорят об их чрезвычайной важности в его поэзии. И Бродский для него – не только ушедший друг, но и ушедший поэт, а толчком для создания сборника послужило то, что *в непрозрачную землю зарыт / художник.*

В таком отношении к творчеству и кроется разгадка столь большого количества отсылок к Бродскому в цикле Лосева: запечатлеть облик поэта корректнее всего через его поэзию. В свете сказанного проливается свет на название цикла.

Сборник не просто является послесловием к Книге жизни и творчества Бродского, написанным по времени «после слов» Бродского, после того, как тот навсегда замолчал, но и является в некоторой степени вторичным (в терминах постмодернизма, без всякого негативного оттенка) по отношению к поэзии Бродского, «пост-явлением», «пост-словием», то есть использованием слова Бродского – и его осмыслением, переработкой.

Литература.

Лосев Л. Послесловие. СПб., 1998.

Бродский И. Стихотворения: В 2 т. СПб., 2007.

Глушко А. Лингводицея Иосифа Бродского // Иосиф Бродский. Творчество, личность, судьба. СПб., 1998.